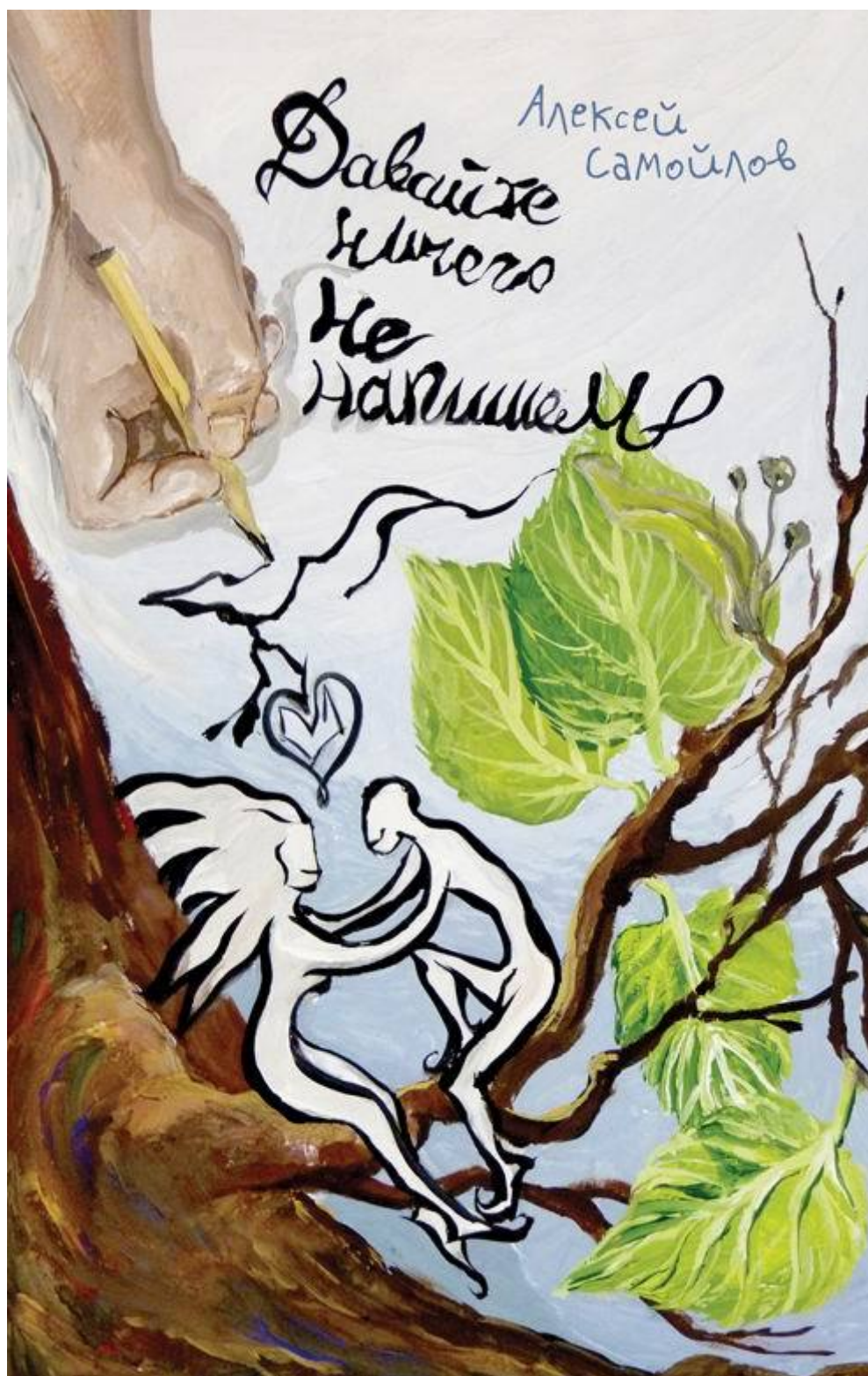

Алексей Самойлов

Давайте ничего не напишем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3936865

Аннотация

Москва, Чистые Пруды. Солнечный майский день. На лавочке сидит девушка по имени Даша и читает книгу. К ней подходит юноша по имени Егор и задаёт один простой вопрос. И ответ на этот вопрос меняет всю картину мироздания: отныне Даша и Егор не только персонажи книги, но и авторы всех происходящих вокруг них (и вокруг вас) событий.

Кто они такие – молодой человек заурядной внешности и восточная красавица, его антипод? Станный писатель и назойливый читатель? Святой Ангел и бездушный Демон? А может, коварный Убийца и его жертва?

Случайна ли их встреча? Сможет ли наш мир выдержать и не расколоться надвое, когда однажды в одной его точке сойдутся две огромные и таинственные силы?

Мистика, триллер, драма, комедия, трагедия, сатира, фарс – все жанры, все литературные сюжеты, все человеческие переживания – уместились на маленькой московской лавочке.

И как же тесно на ней Даше и Егору – таким очаровательным и таким безжалостным друг к другу героям...

Содержание

Глава 1. Барбитураты	4
Глава 2. На пне	8
Глава 3. Чапаев и шантрапа	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Алексей Самойлов

Давайте ничего не напишем

Посвящается Евгению Клюеву

Глава 1. Барбитураты

«На пути к себе можно встретить кого ни попадя».
С. Лох, польский драматург

Вопрос прозвучал неожиданно, и Даша обратила внимание на его источник. Как оказалось, не зря.

– Что читаешь?

Он глядел с высоты шести футов пяти дюймов и сиял голливудской улыбкой. Маленькие лукавые глаза буравили окружающее Дашу пространство, пытаясь уловить её присутствие. Короткие волосы цвета чернослива едва колыхались в такт прохладному весеннему ветру. Отутюженный костюм того же оттенка подчёркивал официальную худобу подогнанной к нему фигуры. Узкое лицо выделялось белоснежностью, как и видимый кусок шёлковой рубашки, приправленный угольным галстуком. Впрочем, что было фоном, а что – объектом в образе задавшего вопрос, Даша не уловила.

– Книгу, – сказала она и быстро захлопнула ответ.

Взгляд молодого человека застрял в непрозрачной обложке из газетной бумаги.

– Ты читаешь чужую книгу, и при этом не пользуешься закладкой.

– Почти угадал.

– Я присяду?

– Наволочка это позволяет.

Московские «Чистые Пруды» никогда не были прудами, поскольку водоём, милый сердцам горожан, всегда присутствовал в единственном числе. Более того, раньше он не был чистым и носил название «Поганый» вследствие неразумного слива мясных отходов. И вот в начале третьего тысячелетия на одной из лавочек около этого самого пруда сидела Даша. А по дорожке, обрамляющей пруд и прилегающий к нему сквер, мирно прогуливались матримонийные пары, бессмысленные студенты, общипанные лебеди, аляповатые алкоголики.

– Какое место! Какое время! Какая погода! – подытожил присевший, положив небольшой кейс рядом с собой. – Кстати, меня зовут Егор.

– А меня зовут Даша. А ты возвращался откуда, или так, мимо идешь?

– Уже не иду, уже сижу, – Егор закинул правую ногу на левую и прищурился. – Так что там с книгой? Как называется, кто автор?

– Название – загадка. А с автором я определяюсь.

– Ты писатель что ли? Вот мне повезло!

Егор наконец поймал собеседницу в перекрестье лазерного прицела. Чем-то она даже походила на него: цветом, но не длиной волос, яркостью, но не активностью глаз, стройностью, но не вторичностью фигуры. В чём-то они безумно отличались: Даша была пёстрой азиаткой, рождённой на задворках Востока, а он был шахматным европейцем, лондонским парижанином из Берлина. Голос Даши походил на щебетание беспечного соловья, а голос Егора – на уханье озабоченного филина.

– Я не только писатель, – ответила Даша и подмигнула.

– А, ну это старая хохма, когда писатель – главный герой собственной книги и прячется за маску лирического героя. Писатели нынче ленивые пошли – берут известную беспроектную идею и стегают несчастную аки Макар – сидорову козу. Вторично, дорогая Даша! Всё это кошмарно вторично!

Егор скривил лицо так, будто проглотил крысу. Даша подмигнула ещё раз:

– Может, не каждый писатель – автор?

– Фамилия на обложке? Ложь! Это всё коммерческие бренды. Писатели – как прости-тутки от пера, прости меня за албанский. Что им скажут, о том и пишут...

Даша могла бы уже сто раз обидеться. Егор, размахивая руками, едва не двинул Дашу локтем по лицу.

– И что же им говорят?

– Да ничего! Сейчас не литература, а заказные тексты с оплаченной рекламой. Все книги давно написаны, идейный арсенал исчерпан! Бросай это дело, – Егор кивнул на книгу. – Займись спортом.

Даша убрала книгу в конопляную сумочку, где уже лежали теннисные ракетки, камертон и резиновый пупырчатый ослик. Сделав рукой приглашающий жест в сторону пруда, она медленно озвучила:

– Идеи плавают на поверхности. Словно утопленники. Например, вот такая идея: знойным весенним вечером два человека сидят на лавочке.

Егор вздрогнул, но поддержал:

– Это уже было. «Однажды весной, в час небывало жаркого заката в Москве, на Патриарших прудах...»¹

Тут он закашлялся и неожиданно притих. Даша расплылась в улыбке:

– Ну, что испугался? Продолжай.

– Неуютно получается, – Егор передёрнулся, как автоматный затвор. – Хорошо, что я не редактор и не имею отношения к массовой литературе.

– Ах, вон оно что! Не хочешь быть раздавленным «Аннушкой»? Ну, раз не хочешь – значит, не будешь.

– Что ты мелешь?! Какой ещё Аннушкой?

– «Аннушкой» зовут трамвай. Обернись и увидишь.

И действительно, позади них, не торопясь, как при замедленной киносъёмке, проплыл знаменитый трамвай-трактир «Аннушка». Он на секунду заслонил собой театр «Современник» и скрылся из виду. Егор уставился на Дашин профиль и хлопнул в ладоши:

– Чёрт! Чёрт! Чёрт! Этого не может быть! Какая аллюзия!

– Просто дьявольская.

– Ну да! – Егор вскочил с лавочки, как поджаренный. – У нас только всё наоборот! Аннушка – это трамвай, а масло разливает её рогатый муж! А ещё какой-нибудь придурок обязательно бросается под колёса. Лучше всего – сам автор и главный герой в одном флаконе. Это чтобы жизнь хлебом не казалась.

Даша достала из конопляной сумочки пузырёк с розовым маслом и незаметно смочила указательный палец.

– Конечно, ты права, идеи плавают на поверхности! Мы с тобой отличное начало для пародии сочинили! Вот только главный герой всегда бессмертен – таков главный литературный штамп эпохи. Пока герой жив – твои писульки будут доводить до оргазма.

Даша почувствовала неприятное возбуждение, однако не стала возражать:

– Чаще всего повествование идёт от первого лица. В лучшем случае – от лица трупа.

¹ Начало романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита».

– Вот это я ненавижу! – Егор приземлился обратно, слегка долбанувшись костюмом об лавочку. – Все эти сквозные герои – Дунканы Маклауды в юбках, розовощёкие богатыри в кальсонах – ну просто достали! Все эти «я пошёл», «я вынул», «я супер», «я пупер»! Такое впечатление, что все писатели сплошь неполноценные, потому и отрываются в книгах, отождествляя себя с мифическим персонажем, которым хотели стать в реальной жизни, да вот только обломались с местом, временем, харизмой и кармой.

Даша убрала флакон с маслом от греха подальше.

– Так вот, – решил Егор. – В нашей книге не будет идолоподобных героев! А насчёт трупов... Хм.

– Труп в первой главе – трюк ради захвата читательского внимания, – отметила Даша.

– Точно! Но издатели говорят так: «Больше трупов, кошмарных и изнасилованных!» Судя по последним данным «Книжного оборзения», количество продаваемых романов в издательстве «Гумус-пресс» прямо пропорционально количеству убитых покойников в этих книгах.

– Они правы. У нас не будет ни жанра, ни аллюзий, ни интриг. – Даша слегка порозовела.

– Что, и совсем ни одного мертвяка? – Егор сморщился, как высушенный диван. – Ну, это... Давай какого-нибудь такого разнесчастного юношу со взором потухшим сунем под трамвайчик? Ну, хотя бы в начале третьей главы, ну пожалуйстаааа...

Егор профессионально захныкал. В ответ на это Даша выхватила гигиеническую салфетку с изображением крокодила.

– Не стоит плодить сущностей из необходимостей, как это делает моя тёзка Донцова.

– Ну, тогда хотя бы усыпим! – не сдавался Егор. – Пусть все подумают, что он откинул ласты, а в последней главе проснётся и всех полюбит.

– Ужасно, Егор.

– А что делать? Сны только ленивым не снятся, доказано доктором Фрейдом.

– Я не хочу сны. В каждом втором романе герой просыпается в первой главе, в каждом третьем романе герой просыпается в последней главе.

Даша зевнула, обнажив тонкий узбекский язык. И в этот момент время остановилось. Тишина – пространство, необходимое для существования идей, на мгновение стало самим собой. Мимо сидящих на лавочке прошёл очередной потенциальный Консультант с большой иностранной буквой «В» в кармане.

– Ну что? Дилемму «сон-явь» оставляем? – уточнил он.

– Ладно, оставляем, только не дилемму, а постулат, – переуточнила она.

– Дилемма лучше. Дилемма интригует. А то наш читатель уснёт на десятой странице, особенно при отсутствии кошмарных трупов, извращённого секса и гламурного воина-воночки.

– Егор, твой читатель уже уснул. А ты хочешь разбудить его с помощью снотворной пилюли.

– А ты хочешь усыпить его с помощью соседского перфоратора! Между прочим, это главная фишка вся редакторов – обвинить автора в издевательствах над читателем! Ты знаешь, сколько я в своё время рецензий...

– Что-что? – лукавая Даша сверкнула глазами, выпитив однозначную грудь.

Егор прикусил язык, отвернулся и развёл руками, едва не задев женщину локтем.

– Ну это... Не издевайся над читателем! Не уподобляйся этим... массовым литераторам!

– Хорошо, милый, я не буду тебе уподобляться. А с чего это ты на редакторов окрысился? Будто бы от них зависит качество твоей писанины...

– Ну, хрен с тобой, золотая рыбка! Не хочешь со мной – сама пиши свою книгу! А идею, так и быть, дарю. За поцелуй.

Он закрыл глаза и подставил правую щёку, но Даша поцеловала фотографию кактуса, которой иногда пользовалась вместо закладки. Егор с негодованием буркнул:

– Ну и не надо! Я не с тобой шёл знакомиться.

– Уверен?

Даша захихикала, очень нежно, звонко и брезгливо. Егор, так и быть, решил остаться.

– С чего начнёшь свой идиотский бестселлер?

– С начала, это сейчас модно. Начинать с конца банально.

– И меня в соавторы не берёшь?

– Да ты сам взялся, меня забыл спросить.

– И кто автор в итоге? Как будем бабки пилить?

– Автор – Альфа.

– Какая ещё альфа?

– Альфа – одно из моих имён.

– Врёшь ты всё.

Егор с ненавистью повернулся обратно, чтобы съесть Дашу или хотя бы расстрелять. Вот только его прицел, несмотря на швейцарскую оптику, давно сбился, и лицо Даши постоянно ускользало из перекрестья.

Глава 2. На пне

«Человек подобен шару – ни одной ровной поверхности».
Эмпирей Карфагенский, древнегреческий геометр

Автор почесал авторучкой с позолоченным колпачком в затылке и как следует призадумался. «Я вообще не знаю, что пишу!» – воскликнул он в ожидании Аннушки. Но вместо трамвая за окном загрохотал гром.

Вообще-то, по изначальному замыслу, здесь должна была быть глава вторая, в которой начиналось развёрнутое повествование про молодого юношу по имени Юрий и его не менее юную подругу по имени Кира. В этой главе Юрий узнаёт о том, что Кира нехстати беременна, сильно огорчается по этому поводу, и сразу же начинается безобразный конфликт. Юрий и Кира швыряют друг в друга подушками, затем Юрий забрасывает канделябрами своих родителей и уходит ночевать к другу, чтобы поплакаться тому в жилетку. Таково начало бытовой драмы, плавно перерастающей в драму психологическую, а затем и духовную.

Эта сюжетная линия (условно названная «жизнь Юрика») шла бы параллельно другой сюжетной линии – про двух человечков, сидящих на лавочке у Чистых Прудов. «Жизнь Юрика» была задумана автором сего произведения по трём причинам: во-первых, чтобы привлечь массового читателя интригой, конфликтом и традиционными человеческими проблемами; во-вторых, продемонстрировать, как герой в каждой жизненной ситуации расстаётся со своей очередной иллюзией; и, в-третьих, показать, как высшие силы с помощью знаков помогают герою на верно выбранном пути. Иначе говоря, данная сюжетная линия была бы сильно спрессованным во времени зеркалом духовного роста человека.

В итоге произведение стало бы почти автобиографическим романом страниц на двести, в котором одному типу читателей понравилась бы линия Юрика, а второму типу читателей – линия Егора и Даши. Но третий тип читателей долго и упорно бы поминал имя автора всуе, пытаясь понять, зачем в романе нужны две никак не связанные друг с другом сюжетные линии. Этот третий пронырливый тип был бы по-своему прав, как прав реалист, глядя на картину эпохи раннего кубофутуризма.

Но, как уже было сказано, индюк призадумался – нужна ли ему подобная шизофрения? Пока он кумекал, прошёл целый год, и за это время суп покрылся тиной. После чего трагическое решение возникло из ниоткуда: в данной книге НЕ БУДЕТ сюжетной линии под названием «жизнь Юрика», к великому разочарованию большинства потенциальных читателей. Посему автор сразу же просит прощения за отсутствие того, что могло бы быть, и приступает к дальнейшей разработке оставшейся сюжетной линии. Придётся разочаровать поклонников сумасшедших интриг, дурацких персонажей, бродячих трупов и ложных кульминаций – ничего этого в книге не будет. В ней вообще больше ничего не будет, кроме двух человек, беседующих на лавочке возле Чистых Прудов.

– Ну ладно, – извиняющимся тоном изрёк Егор. – Двое на лавочке, не считая недоверия. Дубль два, сцена первая – знакомство. Мотор.

– С тобой в одну и ту же реку я не хочу, – Даша убрала правую ногу с левой, а затем положила левую на правую.

– А с чёрного хода, – не смутился Егор. – Или ты не река, а заросший пруд вроде этого?

– Все люди – реки. А если тебе кажется, что ты пруд, то, знаешь, в мире не больше прудов, чем тебе кажется.

– Вот и славненько. Даша – хорошая девочка, она не будет обижать плохого мальчика Егора и быстренько ответит на все его вопросы.

– Милый Егор, это невозможно! Ты хочешь нырнуть в один и тот же омут второй раз подряд, надеясь, что по закону бутерброда тебя снова выпихнет обратно.

– «Невозможно»?! – Егор вспыхнул. – Такого слова я не знаю! Забыл. Представь себе! Вот как выпихнули меня на этот чёртов свет – и сразу же забыл! А до этого момента я, счастливый, сидел в утробе и думал, что мой кайф будет вечным, потому что жизни после родов не существует. Как видишь, я заблуждался. И ты ошибалась, только вот не сотворила первого урока из первой ошибки. А первый урок – самый важный, а ты его прошлапила. И только не надо мне сейчас доказывать, что ты родилась от непорочного зачатия!

На долю секунды Егор рассмотрел Дашу, но почему-то не узнал. Азиатка превратилась в скандинавку, от её лица повеяло безынтересностью, а ручная конопляная сумочка сменилась дешёвой штамповкой с глянцевым журналом внутри.

– Тебе решать, кто я – река или пруд. Во что хочешь нырять?

– Знаешь, без разницы. Все эти твои образы неудачны. Мы знакомиться-то будем вообще? Как там обычно бывает, ты, надеюсь, в курсе?

– Конечно, я в курсе. Есть два героя, положительный и отрицательный. В худшем случае это люди. Ну, то есть в нашем, – и Даша залилась лиловым смехом.

– Нас пока хватит, – поддержал Егор. – Я, так и быть, из-за пола возьму роль антагониста, а тебе оставлю роль добра, инья, матери, женщины, солнышка, зайки, уси-пуси и моря романтических соплей в финале.

– А знаешь, я даже согласна. Для начала я буду беременной с первой же строчки: «Беременная женщина-мать тоскливо посмотрела на своего врага». Вот только тайна отцовства приоткроется читателю далеко не сразу. И пусть все думают, что отец моего ребёнка – сволочь, то есть – ты.

– Хорошо, только я буду в тысячу раз злее, чем отец, поднявший женщину-мать на острые штыки злодейки-судьбы! Ко мне не будет никакой жалости: я всё детство прокатался в бриллиантовой коляске, как сыр в масле у Христа за пазухой...

– Стоп, Егорушка! Ты используешь запрещённый приём: не бывает злых людей, бывают только несчастные.

– Дашенька! Мой персонаж не должен вызывать сочувствия! Сексуальный маньяк, которого в пять лет изнасиловала старшая сестра, или террорист по кличке «Доктор Два Нуля», которого одноклассники заперли в общественном туалете Бобруйска без противогаса, – это как раз по твоей части.

И Егор небрежно тыкнул в Дашу, отчего она нахохлилась, нахмурившись.

– Ну, знаешь, зло без причины – признак вовсе не мужчины. Неужели ты снова хочешь сыграть демона?

– Да, демона, но только в маске порядочного гражданина. И не мямля-размазня-шутник, как у некоторых, а хитрый, коварный, творящий как бы добро, а на самом деле творящий зло. Ну, и твоя героиня – изначально вызывает лишь презрение, будто лысая выдра, но затем становится зайчиком, и сопلي-шмопли текут рекой.

От такого сравнения Даша приулыбнулась:

– Егор, ты сам-то понимаешь, кого хочешь?

– Неважно, понимаю ли я – главное, чтобы читатель жрал, а бестселлер продавался. Как ты думаешь, кто автор афоризма «Иногда роман настолько плох, что грех не издать его»?

– Я думаю, ты, – Даша тыкнула в ответ и нахмурилась, нахохлившись.

Егор снова хотел процитировать себя, но забыл поставить кавычки.

– Милый, не отвлекайся на авторские ремарки, иначе упустишь своего голодного читателя. У нас главная героиня появилась, между прочим, и её до сих пор почему-то никто не убил, причём настолько смертельно, что у неё начались критические дни.

– Настоящие девушки такими вещами не шутят! – Егор помялся-помялся и застыл. После паузы он продолжил: – Ну, ладно, уболтала. Итак, во второй главе мой искуситель подкидывает идею о том, что если девочка не родит чудовище – миру наступит полный чабрец!

– И вот ради этого наша героиня бросает семью, работу, личного слесаря, парализованного мужа и богатенького любовника, надевает найденное в сахарнице кольцо, собирает рюкзак и выходит одна на дорогу. Ей предстоит проделать долгий и трудный путь, полный ужасных опасностей на каждом шагу. По пути она будет отбиваться от маньяков, сражаться с гоблинами, видеть осознанные сновидения и щипаться как гусь.

– Между тем, – Егор убрал левую ногу с правой, а затем положил правую на левую. – царь Кощей совсем не чахнет! Он постоянно попадает на пути героини под разными личинами. Он соблазняет героиню африканским мороженым и занимается с ней грязным надругательством прямо посреди дороги, парализуя тем самым движение по трассе «Сыктывкар – Тегусигальпа». В результате чего пилот не успевает на рейс, и террористы захватывают не тот самолёт. А в этом самолёте летит вся семья главной героини, включая парализованного любовника и богатенького слесаря.

– Уже идёт пятая глава, и у нас получается слишком нервный и паралитический роман. Наверно, так и стоит его назвать – вполне в духе современных новомодных тенденций, – Даша достала из конопляной сумочки блокнотик и поставила галку напротив правильной тенденции.

– «Нервно-паралитический роман»? – Егор извлёк из кейса ноутбук и вошёл в Интернет. – Пожалуй, я зарегистрирую название в патентном бюро!

Он принялся нажимать кнопки, компьютер при этом попискивал, будто мышь.

– Между тем наступает кульминация, – возникла Даша. – Наша героиня рождает: не подружку, не старушку, а неведому зверушку. Таким образом, предсказуемой развязки не будет. Мы используем запрещённые литературные приёмы-апокрифы, маскируя их под классические шаблоны-догматы. И называем это постмордовнизмом.

– Если быть эпохально точным, она рождает креветку, – эпохально уточнил Егор. – Креветка растёт быстрее, чем кролики трахаются со швейной машинкой, и вскоре достигает нечеловеческих размеров. Годзилла и Омен в одном теле. Милый папочка смачно потирает руки!

– И как оказывается в тридцать восьмой главе, наша ретивая протагонисточка – латентный учёный-теософ. Изучая этиологию, этимологию и энтомологию слова «Годзилла», она обнаруживает в нём корень «Год», что значит «God», после чего усматривает в своём ребёнке божественное происхождение. И читатель начинает подозревать, что демон вовсе ни при чём.

– Однако, учитывая, что зло всегда косит под добро, наш ангел в бесовском облики даёт девочке прикурить от адского котла!

– А креветка с рождения нюхала грибы, и только потом научилась ходить в туалет. Она затесалась в клуб анонимных алкоголиков, который состоял из неотёсанных чурбанов с нимбами, величавших себя «Легионом Последней Бутылки».

– Таким образом, сюжет из простой трагедии матери-одиночки превращается в тотальный конфликт бобра и осла, в котором наконец победит кенгуру.

– Развязка произойдёт в обычной советской песочнице, в шестидесятые годы прошлого столетия. Отец и мать встретятся, будучи детьми, и не поделят между собой совок. Герой затаит смертельную обиду на героиню, тщательно выводя палочкой на песке новое сатанинское число – 42.

– А героиня растопчет его куличики и тут же влюбится в злодея, поскольку только дуры любят положительных героев, а имена всех своих подруг-конкуренсток она раздаст куклам,

а кукол насадит на колья тёмной безлунной ночью, а из их синтетических скальпов сошьёт себе сарафан.

– В нашем эпилоге – разрушенный мир после Армагеддона. Оставшиеся в живых бобры заново отстраивают хатки. Последние ослы кончают жизнь самоубийством, бросаясь в адские котлы с плакатами «жизнь чудесна!». Зловещая морда кенгуру высовывается из-за кулис и показывает язык.

– Тормози... Эй! Кто сказал последнюю фразу?

– А кто сказал «кто сказал последнюю фразу?»

Егор и Даша аккуратно переглянулись, боясь врезаться глазами, выдержали пять минут и... благополучно расхохотались. Егор хохотал звонко и зычно, а Даша – беззвучно и глазами.

– Резюмируй, – шепнула она, когда прошла икота.

– Ну а что? Развязка банальна, концовка логична. Хеппи-энд, и никаких костей. Герой добровольно уничтожает себя, приехав в Сербию и бросившись под перебегающего рельсы осла. Героиня рождает ещё тройню и улетает на каникулы в Сиэтл к любимой собачке. Звучит финальная песня, титры, аплодисменты. Книгу можно закрыть и выбросить на помойку.

– А кстати, милый Егор, ты не заметил, что твой герой слишком хорош для злодея, – прищурилась Даша и перевела стрелки на 15 минут назад.

– А вот ни фиги. Он постоянно меняется. Его то жалко, то не жалко. В конечном счёте все его маски сгорают в синем пламени очей твоей героини. И перед нами – чистейшей воды живой труп.

– А я вот что скажу... – Даша подбоченилась, но потом раздумала. – Любой настоящий злодей честен в своих злодеяниях, а значит, честен и со своими врагами. Любой же добряк служит обычно не себе, а доброй идее, или, в лучшем случае, – другим людям, в порядочности которых честный читатель может усомниться. А иногда протагонист просто мстит, и это считается «правильным» поведением. Причём, заметь, милый, что когда мстит злодей, это считается «неправильным» поведением. И вот эти твои выверты с масками – не более чем сюжетные цеплялки для читателя. В классической драме идёт противостояние двух личностей, но никогда не двух душ. Это доказывается на любом общедоступном примере. Все так называемые духовные метания героев, типа «тварь я ничтожная», типа прыжков в Волгу или кидания под «Аннушек» – не стоят и сопли с твоего носика. Идея борьбы добра со злом...

Вдруг Егор грубо махнул рукой, и Даша от неожиданности всплакнула.

– Стоп, стоп, стоп! Тебе не кажется, женщина, что ты стала слишком много нагонять? Это вообще-то мои обязанности, а не твои!

Егор демонстративно отвернулся в сторону, закурил сигарету ртом и занялся подсчётом нехороших мыслей у проходящих мимо тавтологических прохожих.

Даша высморкалась в пустоту и продолжила:

– Сама идея конфликта подразумевает наличие двух противоположных концепций, суждений или заблуждений, короче говоря, двух несовместимых парадигм. Их носителями служат личности конфликтующих людей, и в результате верная с точки зрения автора концепция – так называемое «добро» побеждает неверную с точки зрения автора концепцию – так называемое «зло». Учитывая, что концепции – это лишь авторские модели мира, не имеющие к реальности никакого отношения, я полагаю любой драматический конфликт глупым в самой основе, и он годится лишь для оболванивания наивных простаков, верящих в честных политиков и любовь до гроба. А что касается твоего слащавого демона, Егор, то разливающий масло Воланд мне много симпатичнее Мастера с его пафосной байкой про Понтия Пилата. По той причине, что Воланд честно служит самому себе, а не притворяется правед-

ником ради ангельских крылышек. Я закончила, Егор, и замолкаю. Можешь курить и делать вид, что меня нет.

Егор машинально обернулся и не заметил Даши рядом с собой. Он тряхнул головой, протёр глаза и даже обжёг пальцы сигаретой. Оказалось, что Даша сидела, как ни в чём не бывало, и потусторонним взглядом созерцала студента, который набирал в бутылку воду из Чистого Пруда, чтобы потом продать её под видом «Боржоми». Губы Даши слегка шевелились под воздействием неслышимых слов.

– Не ожидал от тебя, если честно, – наконец вытряхнул из себя Егор. – Ты казалась мне добрее! Ты казалась мне честнее! Ты казалась мне справедливее! С чего это ты вдруг заступилась за дьявола? Чем не угодил тебе Мастер? А?

– Лицемерие, Егор. Знаешь, есть такое слово в русском словаре. Но ты меня не поймёшь. Парадокс в том, что твой отрицательный мужчина и моя положительная женщина – только твои порождения. Любая вещь содержит в себе свою противоположность.

– Вот и прекрасно! Это мы и показываем посредством масок и метаморфоз. В конечном итоге противоположности обнажают себя.

– И вот тут происходит лицемерие. Читатель начинает верить в честных политиков. Понимаешь? И это лицемерие – целиком на совести нерадивых авторов, которые изначально врут сами себе, и поэтому не могут не врать своим читателям.

– А ты что, предлагаешь хаос? Ты предлагаешь назвать тигра кроликом и сказать, что ни тигра, ни кролика не существует. Это мы уже проходили, Дашулячка. Дао-хренао и прочая восточная галиматья. Ненавижу!!! – Егор закричал зубами мудрости. – Вот где полное обольщение невинных читателей – в отсутствии морали. Отсутствие морали – это деградация совести и тотальная вседозволенность. Читатель поймёт такую мораль по-своему и правильно, уж поверь! И пойдёт крушить всех направо и налево! Мира не существует, смерти нет, война священна, Мордор – наша страна, Саурон – наш батька...

Егор чихнул пять раз подряд и потрогал свои уши. А Даша нежно промурлыкала:

– Тебе не кажется, котик, что мы нагнали слишком много пафоса? Ты вон уже вспотел от серьёзности моих слов, у тебя даже уши покраснели. Ещё пара тирад – и они отвалятся за ненадобностью!

– Да ты что... Блин! Да ёб твою раскладушку!

Даша прыснула в ладошки, а Егор развёл руки в стороны и сжал кулаки, будто каратист. Со стороны создалось впечатление, что ему обломали весь кайф: он раздевал незнакомую девушку, и неожиданно в комнату вошла мама.

– Ну ладно, зайчик, давай я резюмирую, – смиловилась Даша, продолжая подхихкивать каждой удачной метафоре. – Итак, в идеальном литературно-мировом конфликте, до которого Ромео и Джульетте как до твоих красных ушей... сражаются добро под маской зла со злом под маской добра. Таким образом, каждый герой, постоянно меняясь и не являясь при этом ни однозначно злым, ни однозначно добрым, отражает главный закон мироздания, гласящий: всё, что кажется постоянным – к примеру, могильная плита, – таковым не является.

– Даша, я сейчас убью тебя! – Егор встал и выпятил широкую грудь, заслонив Даше возможность созерцать.

– Убивай на здоровье. Меня без тебя не существует. Тоже мне, Македонский.

– Почему Македонский? Скорее уж Георгий Змеелов! Демон, побеждающий сам себя.

– Уйди, горе луковое! Не загораживай мне солнышко! – Даша снова расхихикалась.

– Сама ты горе! На Исиду ты даже со мной в руках не тянешь! А Диоген, кстати, мог обходиться без воды и пищи целую неделю. А тебе вот хрен, бестелесная моя!

– Ты тоже не можешь. И я не закончила. Сядь, пожалуйста, на место. И поправь пиджак, а то кобура выпирает.

Егор плюхнулся на лавочку и окончательно стушевался. Вот, змея, наблюдательная! Заметила! Но как?!

– Так вот, слушай дальше. В мире, где всё меняется, владеть чем-либо совершенно бессмысленно. Не успеешь ты как следует прикипеть к какому-нибудь чайнику – он тут же свисток и отбросит. Понимаешь меня, Егор? Я использую твой жаргон.

– Я понимаю тебя, Даша, спасибо! У тебя очень удачные метафоры, хоть ректору литературного института посылай ценной бандеролью. Только убить тебя всё равно хочется за бред Буцефала.

– Я бы убилась об стенку сама, но, увы, вокруг только деревья. А биться головой об асфальт – неэстетично и противоречит моим моральным принципам. Пойду тогда, что ли, в пруду утоплюсь. А ты наблюдай, хорошо? И записывай. Сейчас небеса разверзнутся, затем на город свалится тьма, и единственным лучиком света в этом царстве теней буду я – утопленница, смертью своей поправшая бессмысленность жизни! Тьфу! Гадость!

Даша плюнула, но у неё не получилось. Зато Егор плюнул вместо неё и случайно угодил в зеркало. И, потирая руки, воскрес:

– Ага, самоубийц не любишь? То-то! А вообще, задолбала аллюзиями, крошка! Хуже горькой редьки! И знаешь ещё что... – он прислонил указательный палец к губам. – Тебе действительно не идёт много нагонять. И особенно – плевать. Не потому что ты женщина, нет! Упаси меня Анубис произносить твоё имя вслух! Просто всё, что ты говоришь, ужасно! Ужасно! У тебя очень гадкий язычок. Помолчи, пожалуйста.

Даша увидела, как волосы на голове собеседника зашевелились.

А Чистые Пруды продолжали кипеть и бурлить суетливо-ранневесенней водой, смешанной с окислами азота и серы. Какие-то предприимчивые деятели из далёкого Туркестана экспрессом доставили на воду настоящую венецианскую гондолу. Правда, они забыли приложить к ней профессионального гондольера с баркаролами, поэтому его место занимал дядя Эдик из плавающего кафе. Стоимость десяти кругов по Чистому Пруду на гондоле с дядей Эдиком – двести рублей.

В ближайшем будущем предприимчивые туркестанцы собирались наладить ещё два вида бизнеса: подвешивание карпов на крючки местным рыболовам и производство турок для кофе с выгравированными на них стансами Байрона. Карпами планировалось отовариваться в ближайшем продуктовом, а за участие в чемпионате Чистых Прудов по рыболовству брать по тысяче с каждой удочки. Что же касается кофе, то эта идея принадлежала сыну дяди Эдика Грише, решившему открыть Интернет-магазин под слоганом «Турки со стансами от предприимчивых туркестанцев» и заспамить рекламой своей продукции все турецкие литературные сайты.

Между тем за спинами Егора и Даши в сияющем всеми своими масками «Современнике» собирался начинаться очередной спектакль под названием «Софистика в кулуаре» от нового сверхмодного режиссёра. Постановка объявлялась премьерной на протяжении трёх предыдущих лет; участвующие в ней актёры кляли на чём свет стоит господ Бога, театр, зрителей и самих себя; билетёры заранее предупреждали тех, кто привёл на представление детей, о непоправимых нарушениях психики у подрастающего поколения благодаря растлевающему действию современного искусства.

Мимо Егора и Даши проскрипела высокая, как спичка, женщина с коляской, в которой находился огромный кусок буженины.

– От таких, как ты, пахнет войной, – сказал Егор. – Благодаря таким, как ты, мир разваливается на части и никогда больше не собирается воедино. Вседозволенность и безнаказанность. Ничто никому не принадлежит. Анархия, мать её за пятую ногу. Ты знаешь, тебе повезло, что ты женщина, иначе бы я на тебя подал в суд.

– Как всё бессмысленно, правда? – лукаво поддакнула Даша.

– Именно! Жизнь становится бессмысленной, если в ней, как ты утверждаешь, не за что уцепиться.

– Конечно. И каждый человек рано или поздно приходит к этому утверждению.

– Ага. И бросается в воду. Лицемерка. Иди, топись. Ну что ты? Пули на тебя жалко. Сама утопишься от своей безысходности. Давай, ступай.

Даша встала, но сумочку забыла на лавочке. Она оглянулась на Егора – тот слащаво ухмылялся, но почему-то не выглядел презренным антагонистом. Скорее, лицо Егора напомнило Даше клеймо-полумесяц царя Александра, который покорил полмира, но так и не смог поймать собственную тень.

Неторопливым шагом, оставляя за собой чётко выраженные следы, она подошла к пруду и присела на корточки.

Егор увидел, как Даша медленно и аккуратно завязала руки за спиной, а затем, не оборачиваясь, зашла в пруд и моментально скрылась под водой.

Глава 3. Чапаев и шантрапа

«Не всё то золото, что хрустит».
Герцог Ламброз де ла Круа, казначей Её Величества

В этой главе, по первоначальной авторской задумке, должно было быть всё то, что описывалось в главе предыдущей. А в предыдущей на самом деле должно было быть совсем другое.

В результате в этой главе будет то, что должно было быть в главе номер пять – то бишь продолжение сюжетной линии под условным названием «Егор и Даша». Заметим также ещё раз, что сюжетной линии под условным названием «жизнь Юрика» в этой книге не будет. Поклонников экзистенциальных драм убедительно просим поскорее выйти за пределы экранов наших телевизоров.

Да, кстати, о трупах – они будут. Конечно, читатель уже проникся уважением к одному из двух героев (выбор, увы, невелик), и будет наверняка жалко, если, например, Даша, не успев как следует разойтись, отойдёт в мир иной. Или Егор, не выдержав накала лампочки печального зрелища, возьмёт и кинется-таки подо что-нибудь, например, под бисиклет режиссёра «Софистики в кулуаре». Так что необъяснимые исчезновения обязательно будут. Читатель – он ведь не глупая беззубая обезьянка, правда? Ему не надо ничего разжёвывать и впихивать в уши. Автор всегда верит в своего читателя, несмотря на противоположное мнение издателя, который верит только слезам оптовиков.

Что ж, вернёмся на Чистые Пруды. Это поистине шикарное московское тесто сыграет первостепенную роль в дальнейшем пироге повествования.

Итак, Егор почувствовал, что захлёбывается. Создалось впечатление, что он просто опечатался при наборе своего приговора.

Закашлявшись, он открыл глаза. В руках находилась пластиковая бутылка «Кока-колы», а над ним возвышалась человечина в красном свитере и бейсболке с логотипом. На шее блондинки висел лоток с фирменными бутылками и банками.

Егор выплюнул на асфальт добрую порцию химической воды, едва не забрызгав при этом асфальт.

– Она всё ещё ждёт сдачи, – произнёс щебечущий голос справа.

– Чего? – поморщился Егор, взглянув сперва на Дашу, а затем на секретного агента «The Coca-Cola company».

– Бутылка стоит двадцать пять рублей. Вы взяли мою еду и теперь должны вымыть стекло, – пояснила блондинка.

– Сдачу полагается давать не мне вам, а вам мне, – запутался Егор.

Даша распахнула конопляный кошелёчек, вытащила оттуда двадцать восемь рублей и протянула со словами:

– Это за всё.

Довольная кокаколыщица отправилась восвояси. Егор ещё некоторое время фыркал, бекал, мекал и кукарекал. Даша внимательно наблюдала за ним – через перископ. Наконец, будто бы отчаявшись, Егор взял недопитую бутылку за горлышко, размахнулся и, вложив всю мужскую силу, швырнул в пруд. Стекланный предмет гордо шлёпнулся на бережную гладь не слишком кошерного водоёма.

Несколько секунд после этого Егор покачивался, держась липкими руками за пошатнувшееся лицо, молчал, как рыба-партизан, и покашливал. Затем вытащил из кармана огромное портмоне, в котором помещались американские доллары, французские франки, немец-

кие марки и русские рубли наряду с немереной кучей проездных, визиток, кредитных и дисконтных карточек. Отсчитав двадцать восемь рублей, он протянул их Даше со словами:

– Больше я тебе ничего не должен.

– Ты мне и так ничего не должен, – ответила Даша, отклонив протянутую руку.

– Возьми. Иначе я почувствую себя оскорблённым.

– Значит, мы квиты. Взять эти деньги – оскорбление для меня.

Егор ссыпал мелочёвку обратно, вытянул банкноту в одного Франклина и сказал:

– Всё дело – в цене. Поторгуюсь?

– Нет.

– Ты что, хиппи? Денег за услуги не берёшь?

– Нет, не беру.

– Ну и глупо. Глупо отказываться от помощи, когда её предлагают. Возьми, – Егор сжал банкноту между большим и указательным пальцами и завертел ей, как игровой картой. – Возьми, купишь себе подарок на день рождения. А я ещё заработаю, мне не трудно.

Даша улыбнулась уголками узких глаз, аккуратно взяла сто долларов и положила их на ладонь, чтобы затем бережно разгладить.

– Ну, вот и правильно. Все женщины одинаковы. Разница только в цене.

Безмерно довольный собой, Егор спрятал портмоне, закурил и перекинул правую ногу через левую. Его интерес к собеседнице улетучился вместе с первыми кольцами американского дыма.

Даша выудила свою книгу, раскрыла на середине и ласково скользнула по страницам внутрь.

Извечное, но не имеющее продолжения молчание обрушил пахнувший тройным одеколоном мужчина полусредних лет в помятых джинсах и клетчатом пиджаке на голое тело. Неустойчивой походкой он фланировал мимо лавочек, заглядываясь на оккупировавших вакантные места пассажиров. Дойдя до лавочки, населённой Егором и Дашей, он робко остановился и неуверенно-патетично произнёс:

– Граждане! Помогите русскому поэту!

После чего, красиво шепелявя и с солнцем в глазах, прочитал примерно такие стихи:

*Рябины куст цветёт устало,
За тыном тело прячет гусь.
Люблю коптить в духовке сало,
Моя украинская Русь!..*

На середине мелодекламации Даша вытащила из книжки сотенную долларовую купюру и протянула поэту. Тот запнулся на фразе «православные пауки», прихрюкнул от неожиданности, забыл о том, что такое трёхкратный четырёхдольник с тремя метрическими акцентами в периоде – два на слогах и один на паузной эпикрузе, – схватил деньги и бросился наутёк. Только штампы и видели его довольные пятки.

– Э-э-э... э-э, ты чего?! – очнулся Егор. – С ума сошла?! Он же их пропёт!

– Пусть. Тебе обидно?

– Ну и стерва ты. Были бы твои деньги, вот ни за что бы не отдала! Вот клянусь тебе – ни за что бы!

Егор трижды перекрестился и прочитал про себя «Кодекс банкира». Даша кивнула:

– Легко пришло – легко ушло.

Егор поднял руки и яростно отметил:

– Женщины – вы ужасны! Вы даже не способны по достоинству оценить тот адский капиталистический труд, который мы, мужчины, вкладываем во все ваши шмотки, косме-

тику, диеты и папилютки. Всё, что вам достаётся просто так, вы принимаете как должное, и никогда в жизни четыре пальца об три коленки не ударите, чтобы сказать «спасибо»!

Даша оскалилась, словно акула, и спросила:

– Кстати, а зачем ты бутылку в пруд выбросил?

– Чего-чего? Какую бутылку?!

– Изподкокакольную.

– Ну, захотел – и выбросил. Ты что это, упрекаешь меня бутылкой, а сама деньгами разбрасываешься?

Даша часто-часто закивала, глядя прямо в грустные глаза Егора. Тот запнулся, квакнул и похлопал себя по карманам. Похоже, его опять надули.

– Ну ладно, ничья? – завидуя бездомному поэту, он протянул ладонь.

– Ни твоя точно, – Даша легко пожала её.

– Тогда вернёмся к женщинам?

Даша отрицательно закивала.

– Тогда слушай сюда, королева, – Егор вновь вооружился переносным складом ценных бумаг и картона. – Вот, всякие там ливерпульские жуки утверждают, что «любовь не купишь», «друзья не продаются», и вообще, вся эта ваша недобитая метафизика не имеет денежного эквивалента. Но утверждения эти хреновы до сих пор не разобрались, что же такое ихняя неземная любовь, космическая морковь и трансцендентные помидоры. Ну, представь вот: какой-нибудь улыбчивый таджик на базаре будет кричать: «Хрюмки! Хрюмки! Только здесь и совершенно бесплатно! Лучшие хрюмки из Хрюмляндии!» «А что такое хрюмки?» – спросит проходящий мимо любопытствующий. «Не знаю! – ответит таджик, – Но хрюмки – это прекрасно! Это вкуснее всего на свете! Берите хрюмки бесплатно!»

Егор сжал свой пуленепробиваемый сейф и поднял его над головой, как Чапаев – монгольский флаг.

– Я не спорю с тем, что хрюмки, возможно, не продаются, подобно белорусским партизанам. Но скажите же мне, наконец, что это такое и чем их поливать. И ещё, Даша, позволь пару абзацев. Была такая замечательная (тебе уж точно понравится) история про миллиардера, заплатившего мужчине миллион баксов за ночь с его жёнушкой. Ей это очень понравилось (тебе бы тоже понравилось), но затем мужчина потратил свой миллион на покупку бегемота, а миллиардер-глупышка сообразил, что морковь не продаётся, и отпустил девочку к своему мальчику. И она вернулась – и море романтических соплей в финале! Меня в этой правдивой истории смущает лишь одно: почему богач обратился к мужу, чтобы тот продал ему свою жену на одну ночь? Почему он сразу же не заплатил самой жене? Получается, жена – собственность мужа, так? И побыв немного потаскушкой при тугом кошельке...

Егор как следует позвенел тем, что сжимал в руках.

– И побыв немного кошельком при тугой потаскушке, она вернулась к прежней роли – корявой собственности в гнусных лапах мужского шовинизма. Таким образом, историю под названием «морковь не продаётся» втюхивают нам под активно фиктивным соусом. Я, хоть и мужчина, но не такой идиот, чтобы не различать, где женщина, которая всё же человек, хоть и с прибабахами, а где холодильник, который всё же вещь, хотя и без этих самых. Так вот, Даша, докажи мне обратное, и я пойду домой!

Егор выдохнул, вдохнул и раскланялся.

– Доказать? Хм. – Даша пожала глиняными плечиками. – Мне иногда кажется, что ты сам себя не понимаешь, особенно когда мучительно пытаешься. Но это не страшно. А вот история твоя – противная. Потому как деньги имеют куда меньше власти над людьми, нежели наркотические привязанности друг к другу. А любовь... не о ней, вообще-то, речь. Ты перепутал главы.

– Ну хорошо, только ответь – ты бы пошла за миллион баксов с незнакомым мужчиной типа меня в постель? Ответь, и мы будем квиты.

– Извини, Егорушка, но сама постановка вопроса идиотская. Такое впечатление, что секс – удовольствие, придуманное природой – должен ещё и оплачиваться в принудительном порядке. Ты прав в том, что проституция – порождение браков, то есть связей, основанных на чувстве собственности. Всё остальное – бред. Понимаешь, милый? Только в твоём извращённом обществе могла возникнуть эта история. И, похоже, твоё странное общество изрядно утыкано густыми абберациями и мутными перверсиями. Правильно? Что скажешь?

– Скажу тебе, социолог хренов, что в семье циклопов – не без Кутузова. Деньги и власть – два краеугольных чемодана моего мира. Забудь про секс. Тебе предлагается миллион долларов – без дополнительных удовольствий! Просто психологический тест. Игра такая! Я знаю, ты возьмёшь деньги. На что потратишь? Ты же у нас вся дооообренькая, шмооообренькая такая! Отдашь на исцеление бедных тюленей в Бискайском заливе, рыбки для них купишь на Чукотке и привезёшь, и накормишь с рук.

Егор разошёлся. Его лицо приняло македонский оттенок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.